

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ

1. МИХАИЛ ПСЕЛЛ И ЛЕВ ПАРАСПОНДИЛ

О могущественном временщике императрицы Феодоры Льве Параспондиле (Стравоспондиле)¹ сообщают почти все основные источники по истории Византии середины XI в.² Подыскивая подходящего человека, пишет Пселл, Феодора ошиблась в выборе и поставила управлять государственными делами «не того, кого в течение долгого времени отличали ученость и красноречие (не намекает ли Пселл на самого себя? — Я. Л.), а человека, умеющего лишь молчать и потуплять взор, не способного ни к дипломатическим переговорам и ни к чему другому, что характеризует политического мужа» (Chron., II, p. 74)³. Атталиат расходится в оценках с Пселлом и говорит, что Лев принадлежал к числу людей «избранных» (τῶν ἐλλογίμων), был духовного звания (ιερωμενος) и человеком разумным и опытным, который ввел законность и стройный порядок в государственные дела (Attal., p. 51—52). По сообщению Скилицы, синкел (далее он назван протосинкелом) Лев прежде служил императору Михаилу IV⁴ и был возвышен Феодорой благодаря своей «многоопытности» (Cedr., p. 611). Уже после смерти императрицы недовольные военачальники во главе с Исааком Комнином обращаются ко Льву с просьбой быть их ходатаем перед новым императором Михаилом Стратиотиком. Однако всесильный временщик, «человек мрачный и неприступный», не только отказался благожелательно рассмотреть их просьбу, но выгнал их с оскорблениями (Cedr., p. 619—620). Этот эпизод, послуживший непосредственным поводом к восстанию, объясняет ту ненависть, которую питает к временщику мятежный Исаак Комнин. В качестве основного условия договора с императором Михаилом, согласно Пселлу, он выставляет устранение Параспондила (последнего Исаак презрительно именуется «низкорослым» (βραχὺ τῆν ἡλικίαν).

¹ Имя Параспондил зафиксировано Зонарой и в письмах Михаила Пселла. Стравоспондилем называет Льва Скилица. Нет сомнений в том, что речь идет об одном и том же лице. См. B. Rhodius. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. Progr. Plauen, 1892, S. 19—20.

² M. Psellos. Chronographie, ed. E. Renauld, II. Paris, 1928 (далее — Chron.), p. 74—75, 79, 102; Michaelis Attaliothae historia, rec. I. Bekkerus. Bonn, 1853 (далее — Attal.), p. 51—52; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Bekkero suppletus et emendatus, II. Bonn, 1839 (далее — Cedr.), p. 611, 619—620. Возможно, Параспондилу принадлежит печать синкела Льва; издана: V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin, t. V, 1. Paris, 1963, p. 148—149, № 217. О Льве Параспондиле см. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, III. Paris, 1905, p. 759 sq.; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 69 сл.

³ В «Хронографии» Пселл ни разу не называет по имени Параспондила, однако сопоставление сообщений Пселла со свидетельствами других источников не оставляет сомнений в том, что имеется в виду Лев.

⁴ По свидетельству Пселла, при Константине Мономахе Параспондил влиянием не пользовался (Chron., II, p. 79).

Жизненный путь первого министра двора, естественно, не мог не пересечься с карьерой первого философа Византии и важного чиновника Михаила Пселла. Свидетельство этому, помимо «Хронографии», — некоторые «малые» сочинения писателя.

Пять писем Пселла непосредственно адресованы Параспондилу⁵. Три письма, а также два небольших произведения других жанров направлены человеку, носящему титул протосинкела⁶. Указание в лемме «протосинкелу» само по себе, конечно, не означает, что произведения были обращены к Параспондилу⁷. Тем не менее такая адресация представляется нам весьма вероятной по ряду внутренних признаков⁸.

Кроме того, вполне возможно, что именно Льва имеет в виду Пселл в небольшом энхимии Феодоре (Scr. min., I, p. 5), где он хвалит некоего блюстителя законов, возвышенного императрицей⁹.

Каким же образом складывались отношения между философом и министром константинопольского двора? Вскоре после смерти Константина Мономаха (январь 1055 г.), т. е. именно тогда, когда Параспондил был неожиданно возвышен Феодорой, принявший монашество Михаил Пселл удалился в монастырь на горе Олимп в Малой Азии. Монастырская жизнь тяготила философа, отношения его с монахами складывались крайне неблагоприятно, и он воспользовался первой возможностью, чтобы покинуть обитель и вернуться в Константинополь. После смерти Феодоры (август 1056 г.) в короткое царствование Михаила Стратиотика Пселл вновь выполняет важные государственные обязанности. Параспондил, помогавший Михаилу прийти к власти, в это время остается первым министром двора. Однако с воцарением Исаака Комнина их роли переменились: Пселл сразу начинает пользоваться доверием нового императора, Параспондил, видимо, попадает в опалу.

Обрисованная ситуация помогает приблизительно распределить во времени некоторые из «малых» сочинений Пселла. Одно из писем (Bibl. gr., V, № 118) — крик отчаяния гибнущего человека. «Смерч бедствий», «фракийская зима несчастий», «губительный град» совершенно измучили

⁵ См. *C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi*, V, 1876 (далее — Bibl. gr.), № 118; *E. Kurtz, F. Drexl. Michaelis Pselli Scripta minora*, I—II. Milano, 1936—1941 (далее — Scr. min.), II, № 72, 87, 185. Некоторые сомнения может вызвать адресация письма: Scr. min., II, № 87. По своему содержанию и характеру оно очень напоминает серию писем, направленных Пселлом патриарху Михаилу Кирулариху (Bibl. gr., V, № 56—59, 104, ср. № 159, 160).

⁶ См. письма: Bibl. gr., V, № 7, 8, 9. Протосинкелу адресовано также «Слово о добродетели протосинкела» (*Λόγος χαρακτηρίων τὴν τοῦ πρωτοσυγκέλλου ἀρετήν*. — Scr. min., I, p. 55—59) и «К протосинкелу, попросившему рассказать о чудесах чудотворца Григория» (*Πρὸς τὸν πρωτοσύγκελλον ἀξιόσαντα ἱστορεῖσθαι τὰ θαύματα τοῦ θαυματουργοῦ Γρηγορίου*. — Scr. min., I, p. 142—144). Последнее сочинение дошло до нас не полностью. Сохранившийся текст представляет собой только вступление к самому повествованию о чудесах — обращение к протосинкелу.

⁷ *Н. Скабаланович* справедливо указывает, что протосинкелов одновременно было больше одного. Ученый называет четырех известных ему протосинкелов второй половины XI в. (*Н. Скабаланович. Византийское государство*, стр. 158). У самого Пселла есть монодия, посвященная другому протосинкелу — эфесскому митрополиту Никифору (Scr. min., I, p. 206—210). Протосинкелом был и другой адресат многих сочинений Пселла — Иоанн Мавропод. О синкелах и протосинкелах в Византии см. *Ἀθῆνα γόρα. Ὁ θεσμός τῶν συγγέλλων ἐν τῷ οἰκουμένικῳ πατριαρχείῳ*. — *ΕΕΒΣ*, 4, 1927.

⁸ Укажем на некоторые основания. В *Λόγος χαρακτηρίων* Пселл говорит о маленьком росте адресата произведения. (Scr. min., I, p. 59). Напомним, что Исаак Комнин называет Льва «низкорослым». В письме (Bibl. gr., V, № 8, p. 237) говорится о высоком положении, дружбе императора и многочисленных телохранителях, которые раньше были у протосинкела. Это последнее письмо в рукописи находится рядом с двумя другими (Bibl. gr., V, № 7, 8), также адресованными протосинкелу; естественно, они все были направлены одному лицу. Немаловажным обстоятельством является также следующее: во всех этих произведениях характер адресата рисуется примерно одними красками.

⁹ Ср. *П. Безобразов. Византийский государственный и политический деятель Михаил Пселл*. М., 1890, стр. 56.

и опустошили душу Пселла, превратили его в камень (р. 365). Знакомый с византийской риторикой читатель, конечно, не даст себя обмануть красивым гиперболам.

Экзальтированные дружеские излияния и выпренные жалобы без сомнения имеют практическую цель: Пселл ищет заступничества Параспондила.

К этому (или приблизительно этому) периоду следует отнести и λόγος χαρακτηρίζων. Как явствует из его содержания, Параспондил во время написания сочинения находился на вершине власти.

Нам не известно, как отнесся Параспондил к заискиваниям Пселла, хотя некоторый свет на это проливает одно из посланий писателя без указания адресата, следующее в рукописи за письмами ко Льву (Bibl. gr., V, № 10). Загадочная риторика этого письма приобретает смысл только в контексте тех отношений писателя и министра, о которых речь шла выше. «По твоему совету, переданному через Лизика, — пишет Пселл, — я затронул струну, обращаясь к душе протосинкела. . . Как мне кажется, вопрос не неуместен. В отношении того, что я колеблюсь между двумя образами жизни, он (протосинкел. — Я. Л.) дает основание заключить, что ни та, ни другая часть, на которой он остановился в слове, не неприемлема. Я знаю, что, только услышав, он обернется, ведь таково его обычное начало при всяком слове и деле. Но ты сам, овладев магическим искусством, сведи мне луну и приблизь ее орбиту к сосуду моего письма. . .». Туманные намеки этой части послания, с нашей точки зрения, можно расшифровать следующим образом. По совету анонимного адресата письма Пселл обратился с неким «не уместным» вопросом к Параспондилу. Сам Пселл ведет двойной образ жизни (он — монах и в то же время вращается при дворе¹⁰), и протосинкел в ответном слове (письме?) не высказал неодобрения по этому поводу. В то же время Пселл не хочет вновь обращаться к нему, поскольку знает, что тот по своему обыкновению, выслушав просьбу, отвернется. Поэтому Пселл хочет, чтобы его корреспондент сам обеспечил ему милость императрицы Феодоры (луна в византийской риторике — обычное метафорическое обозначение императрицы).

Два письма к Параспондилу можно с уверенностью отнести ко времени, когда Пселл вернул себе былое могущество, а в опале, напротив, находится протосинкел: «Письмо, которое ты послал святейшему патриарху, — пишет Пселл, — и которое ты попросил собственноручно передать ему, вручено, принято и уже ответ для тебя получен. До зачтения я держал долгую речь о твоей святости, и патриарх выслушал и принял мое свидетельство. Если его мнение зависит от меня, все у тебя будет хорошо и по душе» (Scr. min., II, № 72, р. 104—105).

Ситуация, на этот раз четко выступающая из приведенного послания, получает интересный комментарий в другом письме, помещенном в рукописи перед уже приведенным¹¹. Пселл пишет, обращаясь к патриарху: «Ныне узнал я моего дражайшего господина, великого архиерея и слугу божьего. Теперь узнал я характер твоей истинно божественной души. От строгой справедливости ты поднялся к вершинам человеколюбия. Пришел ко мне бывший властитель (ὁ πρὸς ἡγούμενος), пришел, проливая слезы радости, пришел со словами благодарности, восхваляя и прославляя твою добродетель. Он жестоко порицал себя, а тебя превозносил и представлял совершенно безвинным. . . Благодарю тебя и я за то, что ты не оставил без последствий моей просьбы. . .» (Scr. min., II, № 71, р. 104).

¹⁰ Именно это обстоятельство было в то время причиной нападков на Пселла. См. Chron., II, р. 78.

¹¹ То, что письма в рукописи находятся рядом (Cod. Laurent., foI. 37^v—38^r), — дополнительное и немаловажное свидетельство их взаимосвязи.

Не вызывает сомнений: «бывший властитель» — Лев Параспондил, по просьбе которого Пселл с успехом выполняет миссию посредничества между ним и патриархом.

Пикантность этой ситуации придает то обстоятельство, что Пселл ходатайствует за Льва перед Михаилом Кируларием — бывшим главным врагом временщика Феодоры¹².

Из другого послания (Bibl. gr., V, № 8) явствует, что его адресат ушел в монастырь («изобилие денег и богатств ты сменил на философию, пристрастие к низшему — на любовь к богу, многочисленную стражу — на жизнь среди ангелов, привязанность и дружбу земного императора — на близость к богу») (р. 237). Перемену в своей судьбе Параспондил, видимо, воспринимает трагически. Во всяком случае, Пселл считает нужным утешить его: обычного человека огорчают перемены судьбы и лишение благ, но «философский муж», каким является адресат, должен переносить их спокойно (р. 234). Увещевания заканчиваются вполне практическим обещанием: «Ныне я утешаю тебя на словах, но я найду удобное время для того, чтобы как можно более искусно рассказать о тебе могущественному нашему императору, чтобы ты получил соответствующую похвалу, а он доставил тебе столько радости, сколько я похвалы» (р. 238).

Пселл заступает за Параспондила не только перед патриархом, но и перед императором (Исааком Комнином?).

Итак, судя по письмам, в отношениях Пселла и Параспондила можно четко выделить два этапа — до и после воцарения Исаака Комнина. На первом Параспондил оказывает покровительство Пселлу, на втором их роли меняются, и уже Пселл протезирует Параспондилу¹³.

Интерес представляют не только фактические детали, но и нравственная сторона взаимоотношений Михаила Пселла и Льва Параспондила. О том, как относился министр к писателю, можно только догадываться по намекам самого Пселла¹⁴. Напротив, свидетельств об отношении Пселла к Параспондилу более чем достаточно. Частично уже приводилась оценка Льва из «Хронографии»¹⁵. Продолжая ее, Пселл сообщает, что искусством красноречия тот владел только в самой малой степени, что мысли свои выражал больше жестом, чем словом, что речь его была грубой и неотчетливой, что окружающим он казался человеком суровым и жестким, и никто без крайней необходимости не обращался к нему (Chron., II, р. 74—75). Пселл недвусмысленно выражает свое отрицательное отношение к характерам такого типа: «Если человек в состоянии сбросить с себя телесную оболочку и дойти до вершин жизни духовной, то что общего может быть у него с делами? . . . пусть он поднимется лучше на высокую гору, пребудет там с ангелами и, озаренный высшим светом, отдалится и отвернется от людей» (Chron., II, р. 75).

Развернутая характеристика Льва содержится и в *Λόγος χαρακτηρίζων*. Параспондил представляется там Пселлу человеком «необщительным»

¹² Нельзя исключить и возможности того, что письма эти были написаны много позднее и патриарх здесь — Константин Лихуд или даже Иоанн Ксифилин. По сообщению Атталиата (*Attal.*, р. 71), придя к власти, Константин Дука восстановил в правах многих приближенных Михаила Стратиготика, попавших в опалу при Исааке Комнине. Момент этот был удобен для ходатайства за Льва.

¹³ Среди неопубликованных писем Пселла есть одно, адресованное «монаху прото-синкелу» (Vat. gr. 1912, f. 172—173^v). По предположению П. Дарузеса, оно было адресовано хартофилаку Никите (см. *P. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos.* — REV, 1967, р. 52). В связи с установленным нами фактом ухода Льва в монастырь уместно выдвинуть предположение, не направлено ли было и это письмо Параспондилу.

¹⁴ См., например, Bibl. gr., V, р. 240. Но «были некогда и милетцы храбрецами, когда ты внимал моим словам, как божественным прорицаниям, и восхищался моей речью как простой, так и возвышенной».

¹⁵ См. выше, стр. 73.

(ἀκοινώνητος). Он — из числа «твердых душой» (στάσιμοι τὴν φύχην) политических деятелей. Делами он управляет хорошо, но к изменчивым обстоятельствам не приспосабливается. Отметим особо интересную деталь: Лев «не забавляется мерзкими мифами» (στου γερῶν οὐκ ἐμπαιίζεται μύθων; видимо, речь идет о древней поэзии) и не терпит славословий в свой адрес. Напротив, Лев богат внутренним разумом (τὸν ἐνδιάθετον λόγον), хотя и не скоро обнаруживает его перед окружающими. Под этим «внутренним разумом» надо понимать мудрость, приобретенную не в результате чтения и занятий, а озарением свыше¹⁶.

Отношения Льва с богом носят мистический характер. Он общается со Всевышним, не исполняя священные гимны, а возносясь к нему душой. В душе ощущает Параспондил божественную волю (Scr. min., I, p. 57).

Такая же характеристика, с вариациями в деталях, содержится и в иных сочинениях Пселла, которые мы с большой степенью вероятности адресовали Параспондилу. Так, в послании, озаглавленном «Протосинкелу, попросившему рассказать о чудесах чудотворца Григория», Пселл обращается к Льву: «Ты, постигший божественную мудрость, презираешь мудрость низшего порядка и считаешь мои похвалы грубыми, поскольку можешь наслаждаться высшим славословием» (Scr. min., I, p. 143).

Здесь, как и почти во всех письмах, Пселл принимает нарочитую позу человека земного и низменного, который обращается к существу высшему и божественному. «Я — человек настолько земной и грубый (γῆσῶδες καὶ παχύς), — подчеркивает Пселл в одном из посланий, — что болезнь кажется мне болезнью, удар — ударом, рана — раной и все остальное — тем, что оно есть по своему названию и свойствам, поскольку я признаю знаменитое выражение Пиррона, что человек — мера всех вещей» (Bibl. gr., V, p. 232). Напротив, Параспондил для Пселла — образец того уже почти исчезнувшего типа людей, которые преодолели телесную оболочку и живут в мире чистой духовности: «Знай же, дорогой брат, что уже давно иссяк этот род философии и я ни разу не встречал среди своих современников человека, который бы жил по суровой природе ума так, что кажется, будто у него нет тела, ныне же, впервые встретив тебя, я восхищаюсь твоей природой. . .» (Bibl. gr., V, p. 233).

Было бы, однако, излишней поспешностью всерьез принимать все эти возвышенные похвалы. Нередко за ними скрывается плохо замаскированное раздражение и неприятие. Это особенно отчетливо видно из другого письма Пселла (Bibl. gr., V, № 9). Внешне оно носит вполне традиционный характер — это обычное послание с упреками в пренебрежении, жалобами на отсутствие писем и т. д. Но за этой эпистолярной этикетностью — сдержанное раздражение. Видимо, Лев считает, пишет Пселл, что он «находится рядом с богом и, в то время как большинство людей занято делами, он воспарил ввысь и общается с родом высших». Поэтому, продолжает писатель, Лев и отказывается от общения с ним. «Слова мои не проникают в твою душу, — заканчивает Пселл письмо, — не стану докучать тебе, обратись к богу и беседуй с ним. . .» (Bibl. gr., V, № 240)¹⁷.

¹⁶ См., например, противопоставление этих двух видов мудрости в письме Пселла Михаилу Кирулярию (Bibl. gr., V, p. 506 sq.).

¹⁷ То же отношение ко Льву — ирония, замаскированная панегирическими фразами, — нашло отражение и в короткой эпigramме, адресатом которой считал Параспондила еще К. Сафа:

{ Синкел — приятель, но Слова.
Первый — проедр, но Свода.
Зовите его первосинкелом,
Как неба проедра, как друга Бога (Bibl. gr., IV, p. LXXIV).

Образ Льва Параспондила воспроизведен Пселлом в сочинениях трех различных жанров. Как можно было убедиться, он везде наделен примерно одними и теми же чертами. Различие проступает в акцентах и оценках: внешне восторженной в *Λόγος χαρακτηρισίμων*, двойственной в письмах и откровенно отрицательной в «Хронографии». Отношения с Параспондилем — эпизод в жизни Пселла, но и в нем нашли отражение особенности мироощущения византийского писателя. Восхищение Пселла «святостью» Льва — скорее всего, дань общеобязательным идеалам, нежели искреннее чувство.

На самом деле современник Феодоры не вызывает симпатий Пселла. Стремление к преодолению всего телесного и земного, несовместимое с государственной деятельностью, заставляет Параспондила пренебрегать светской образованностью и древней литературой, оставаться человеком необщительным и суровым с окружающими. Люди такого типа вызывают постоянное и неприменное осуждение Пселла¹⁸. Михаил Пселл и Лев Параспондил — люди, находившиеся на разных полюсах интеллектуально-нравственной жизни Византии середины XI в.

Нельзя обойти молчанием и другое обстоятельство, касающееся уже чисто человеческих свойств Пселла. «Истинный византиец», «придворный интриган», Пселл в истории с Параспондилем явно не оправдывает всех тех презрительных эпитетов, которыми его щедро наградили ученые XIX—XX вв. Пселл заступает за Параспондила перед враждебными к нему императором и патриархом даже тогда, когда Лев перестал пользоваться всяким влиянием и попал в опалу.

2. МИХАИЛ ПСЕЛЛ И ДУКИ

Связи Пселла с домом Дук длились более двух десятилетий. Помимо императоров Константина X и Михаила VII, Пселл был близко знаком или состоял в переписке с братом Константина кесарем Иоанном, женой последнего Ириной, сыном Андроником, братьями Михаила VII и т. д. В период тесного общения с Дуками деятельность Пселла как ученого, писателя и политического деятеля достигает апогея. Его мысли и чувства не могли не найти отражения в письмах к Дукам и в произведениях, им посвященных.

Еще при Константине IX Мономахе Пселл находился в дружбе с будущим императором Константином X, восхищавшимся красноречием писателя (Chron., II, p. 141 sq.)¹⁹. Не случайно поэтому Пселл играет одну из первых ролей в интриге, в результате которой Константин Дука получает власть из рук умирающего Исаака Комнина²⁰.

О своем положении при дворе получившего скипетр Константина X Пселл говорит в захлеб; император необыкновенно любит писателя (Chron., II, p. 135, 143—144, 155), возвышает его над всеми придворными (Chron., II, p. 139). Пселл ободряет, утешает императора, разделяет

¹⁸ Характер изображения Параспондила и, особенно, сознательно занятая Пселлом позиция в отношении этого человека (внешнее восхищение при внутреннем неприятии) чрезвычайно напоминают обрисовку другого героя писем и иных сочинений писателя — знаменитого патриарха Михаила Кирулария. См. Я. Любарский. Михаил Пселл и Михаил Кируларий. — «Klio», 54, 1972.

¹⁹ Пселл сообщает, что расхваливал Дука перед императором Константином IX и выпрашивал для него милости. Факты эти подвергает безосновательному сомнению П. Иоанну (P. Ioannou. Psellos et le Monastère Tà Narpou. — BZ, 44, 1951, S. 286). Однако его ссылка на Скилицу и Аггалиата (ibid., S. 286, Ann. 8) не имеет отношения к делу.

²⁰ Подробней об этом см.: Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 89.

с ним опасности и ставит себе в особую заслугу то, что «привел ему патриарха»²¹.

С наименьшей патетикой рассказывает Пселл и о горячей любви к нему его воспитанника Михаила VII (Chron., II, p. 176—177). Утверждение писателя поддерживается словами Анны Комниной, согласно которой Михаил Дука и его братья, хотя и любили Иоанна Итала, тем не менее отдавали предпочтение Пселлу. Ипат философ со своим учеником Италом устраивал ученые диспуты перед просвещенными монархами (Alex., V, 8). Видимо, при дворе Михаила Пселл играл роль секретаря и приближенного философа²². При Михаиле Пселл находился, во всяком случае, до 1075 г. О дальнейшей судьбе писателя сведений не сохранилось^{23—24}.

Итак, несмотря на периоды временного охлаждения, Пселл находился в фаворе как у Константина, так и у Михаила Дук.

Как воспринимал Пселл этих императоров и их политику?

Выявление истинного отношения писателя в данном случае могло бы показаться безнадежным занятием, поскольку «Хронография» создавалась во время правления Михаила, и портреты царственных отца и сына должны были закономерно превратиться в панегирические стандарты. Так это и произошло в действительности, однако энциклопедическое клише здесь, как и нередко, составляет только контуры изображения, на которые наносятся краски и тона в соответствии с реальными свойствами природы и авторского к ней отношения.

При всех оттенках и небольших различиях образы Константина и Михаила в «Хронографии» представляют собой разновидности одного

²¹ Chron., II, p. 144. Пселл имеет в виду свое предложение избрать патриархом вместо умершего в 1063 г. Лихуда Иоанна Ксифилина (ср. Bibl. gr., IV, p. 447). Отказывается доверять этим сообщениям Пселла П. Иоанну (P. Joannou. Op. cit., S. 286). Писатель, по его мнению, обманул в своих ожиданиях, ибо Константин Лихуд якобы возбудил против него процесс в связи с тем, что Пселл-монах ведет светский образ жизни. В результате он должен был отправиться в монастырь, из которого освободился только после смерти Лихуда. Ограничиваясь простыми ссылками, Иоанну никак не интерпретирует часто весьма туманный текст сочинений Пселла. Из сообщений Пселла, на которые опирается ученый, следует только, что в какой-то период Лихуду поступали наветы на писателя (Scr. min., II, p. 295), что он исполняет роль заступника за обитель Τὰ Νάρσος (Scr. min., II, p. 150), что жизнь среди необразованных монахов ему претит (Bibl. gr., V, p. 373) и т. д. Произведения, откуда извлечены эти сведения, лишены хронологических указаний и пока не могут быть привязаны к какому-то определенному времени. У нас нет также оснований, вслед за П. Безобразовым (П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 100 сл.) считать, что у Пселла был серьезный конфликт с императором. Письма к кесарю Иоанну, на которые ссылается ученый, действительно содержат жалобы на охлаждение к писателю Константина. Однако читатель, знакомый с византийской риторикой и эпистолографическим каноном, легко может себе представить, что основанием для этих жалоб был какой-нибудь и вовсе малозначительный случай. Что касается писем к некоему Псифе, где выражается желание бежать из города (Bibl. gr., V, p. 490—493), то они не поддаются датировке и потому не могут быть доказательными. Тем более нет данных, как это делается в «Истории Византии», утверждать, что «к концу царствования Константина Пселл был отстранен от управления государством и потерял расположение василевса. . .» («История Византии», т. II. М., 1967, стр. 282).

²² Большинство современных биографов Пселла полагают, что вскоре после воцарения Михаила философ попал в опалу, и говорят даже о «неблагодарности» императора, «несбывшихся надеждах» Пселла и т. д. (см. В. Rhodius. Beiträge. . ., S. 10; Ch. Zervos. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle Michel Psellos. Paris, 1920, p. 74; E. Renauld. Psellos. Chronographie, p. XVI и др.). Основанием для таких утверждений являются сообщения источников о возвышении Никифорицы, отстранившего прочих фаворитов Михаила (Attal., p. 182; Zon., III, p. 708). Однако источники говорят лишь о том, что Никифорица сменил у кормила государства возвышенного ранее митрополита Иоанна Сидского и отгеснил кесаря Иоанна Дуку. Видимо, Пселл с самого начала нового царствования не играл активной политической роли (первым министром был митрополит сидский!), а удовлетворялся функциями ученого наставника и советника.

^{23—24} Вопрос о дальнейшей судьбе Пселла и о дате его смерти — спорный. См. Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 75, прим. 12.

типа. Прежде всего, и тот и другой — преданы наукам. Константин, сам будучи не слишком большим знатоком философии и риторики, мало чем отличался от философов и риториков (II, р. 139) и был страстным любителем наук. Михаил же не только читал книги по всем наукам и познакомился со всеми видами «мудрости», но и сам пробовал свои силы в литературном творчестве (II, р. 174 sq.). Оба императора благочестивы и скромны. Благочестием Константин превосходил всех прочих императоров (II, р. 140). Еще до восшествия на престол он предпочитал замкнутую жизнь и презрительно относился к блестящим должностям (II, р. 135), стремился к божественному знанию (II, р. 150). Михаил краснел от всякого нескромного слова (II, р. 174) и даже внешне был похож на пожилого наставника или педагога (II, р. 175). Как отец, так и сын в избытке обладают традиционной царской *φιλανθρωπία*, они чрезвычайно милостивы и благо расположены к подданным (II, р. 140, 175), беспредельно любят своих родственников и близких (II, р. 147—148, 177). Их правление — образец умеренности и справедливости.

Этот портрет Константина и Михаила нельзя рассматривать только как проявление рядового византийского сервиллизма. В характеристиках императоров обнаруживается тот идеал василевса, который вынашивал Пселл и, видимо, какая-то часть константинопольской интеллигенции того времени. Император излишне активный (особенно в области внешней политики) вызывает осторожное недоверие, а то и прямую враждебность писателя. Исаак Комнин — отношение Пселла к нему очень почтительное, хотя и с долей иронии²⁵ — испортил все свои благие начинания излишней поспешностью и нетерпением. Роман Диоген совершал походы на турок из-за «спеси», и его наглость с каждым разом увеличивалась. Напротив, император — покровитель наук, знающий чувство меры, скромный, добрый и милостивый к подданным (мы отвлекаемся от вопроса, насколько соответствовали эти характеристики реальным качествам прототипов), восхищает Пселла²⁶.

Можно утверждать и большее: Пселл не только восторгался этими — реальными или мнимыми — свойствами Константина и Михаила, но и старался, особенно во втором случае, активно участвовать в их формировании.

Несколько сочинений Пселла обращены к императорам Дукам или написаны от их имени. Бедные фактическими деталями, они представляют минимальную ценность в качестве исторического источника, но тон и общая направленность некоторых из них характерны для идейной позиции автора²⁷. Особенно относится это к сочинениям, обращенным к Михаилу. Наставник молодого Дуки, Пселл лепит его образ в соответствии со своими представлениями об идеальном императоре.

²⁵ См. нашу статью: «Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 33, 1972, стр. 101 сл.

²⁶ Большинство этих черт сочувственно подчеркиваются Пселлом в портретах других «положительных» императоров. См. там же.

²⁷ Некоторые из этих сочинений адресованы в рукописи «императору Дуке». Встает вопрос, какому из двух Дуков — Константину или Михаилу — были они направлены. Из числа этих спорных произведений к Константину, по нашему мнению, следует отнести: а) письмо Scg. min., II, № 29. Основание: Пселл обращается к адресату со следующими словами: «Ты противостоишь арабам, воюешь с персидским войством, обуздываешь дерзость варваров, затем обращаешься на Запад или, скорее, в одно и то же время переплываешь Евфрат и мужественно проплываешь Истр» (р. 42). Если отвлекаться от риторических гипербола, речь идет, видимо, о ситуации 1064/65 г., когда империя подверглась почти одновременному натиску сельджуков и перешедших Дунай узов. Наступление последних было остановлено неожиданно разразившейся эпидемией; б) речь Scg. min., I, р. 38—41. Основание: в речи говорится об избавлении от варварских полчищ на западе, погубленных «невидимыми небесными стрелами». Скорее всего, это намек на неожиданную гибель узов от эпидемии (см. выше). Интересно, что в речи в том же контексте, что и в «Хронографии», император сравнивается

Несколько крупных ученых сочинений, адресованных Михаилу, представляют собой настоящие «императорские университеты» — свод знаний, необходимых правителю в области теологии, натурфилософии, географии, духовного и светского законодательства и т. д. Впечатляют прежде всего объем и энциклопедичность сведений, которые обрушивает философ на голову молодого императора²⁸. Пселл преподносит Михаилу тот синтез христианской и античной образованности, к которому стремился всю жизнь²⁹. Нельзя, однако, не видеть, что Пселл формирует из Михаила государя по преимуществу христианского. Страстный защитник и толкователь Платона, Аристотеля и других древних мыслителей, он составляет для ученика толкования на псалмы (Scr. min., I, p. 372—388, 411—414). Знаменательно при этом, что философ, оставаясь верным себе, указывает царственному ученику не только на духовные, но и на эстетические ценности псалмов, как бы уравнивая в этом отношении христианскую и античную литературы³⁰. В том же толковании на псалмы Пселл делает любопытный выпад против тех, кто «превозносит эллинскую мудрость» и пренебрегает христианской (Scr. min., I, p. 373). Пафос прежнего, молодого Пселла был направлен в противоположную сторону — он защищал светскую (в его представлении — античную) образованность от христианского обскурантизма³¹. Причину такой «перемены фронта», вероятно, нужно видеть в «воспитательных» соображениях философа. Возможно также, этот выпад имеет и вполне конкретное адресата. На эти годы приходится уже расцвет деятельности Итала, позже осужденного за следование «эллинским учениям». По сообщению Анны Комниной, Пселл выступал с ним в диспутах перед императорскими особами³². Появление радикального оппонента, как это обычно бывает, должно было по «принципу отталкивания» привести Пселла к более консервативной позиции.

с Моисеем (Chron., II, p. 149). Кроме того, в этом произведении говорится о детях (во множественном числе) императора. У Константина было семеро детей, у Михаила только один сын.

К Михаилу, видимо, следует отнести: а) письмо Bibl. gr., V, № 104. Основание: посылая в дар императору рыб, Пселл пишет: «Пусть ест их лев, вместе с ним львенок и к тому же левца». Обращаясь к многодетному Константину, Пселл должен был бы писать о «львятах». П. Иоанну без объяснений атрибуирует это письмо Константину (P. Ioannou. Op. cit., S. 288, Ann. 3); б) одну из речей, не имеющую в рукописи никакого заглавия (Scr. min., I, p. 33—37). Д. Полемис ошибочно атрибуировал ее Константину (D. Polemis. The Doukai. London, 1968, p. 33). Основание: в речи, обращенной к императору, несколько раз отмечается молодость адресата. Ни один из императоров — современников Пселла, кроме Михаила VII, не вступал на престол в юные годы. Юность Михаила подчеркивается и в других случаях (Scr. min., I, p. 351). Ряд произведений интуитивно относятся издателями и исследователями то к Константину, то к Михаилу. Мы не считаем возможным опираться на них.

²⁸ Эти сочинения в большинстве своем опубликованы в PG, t. 122, некоторые остаются пока в рукописи. Список произведений, связанных с именем Михаила, см. D. Polemis. The Doukai, p. 44. Полемис упустил только Oblatio potosanonis. — PG, t. 122, col. 919 sq.

²⁹ См., например, заключительное рассуждение *Διδασκαλία παντοδαπῆ* — самого значительного из «наставительных» сочинений Пселла, обращенных к Михаилу (Michael Psellus. De omnifaria doctrina. Utrecht, 1948, p. 99).

³⁰ Пселл считает необходимым познать в псалмах «их гармонию и прелесть» (τὰς ἀρμονίας . . . τὰς χάριτας. — Scr. min. I, p. 372). Процесс эстетизации христианства вообще характерен для XI в. Практически он проявился, например, в творчестве Христофора Митиленского, для которого античные и христианские образы совершенно на равных правах становятся предметом эстетического любования. Теоретически его выразил Пселл, который, к примеру, защищал преимущество христианских философов по сравнению с образцовыми античными риториками. См. начало сочинения «О стиле Григория Богослова, Василия Великого Хрисостома и Григория Нисского» (De orog. daem., p. 124 sq.).

³¹ По этому поводу Пселл делает целый ряд полемических замечаний в других своих сочинениях. См. Я. Лубарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение.

³² См. выше, стр. 79.

Характерны и те этические принципы, в которых Пселл старается утвердить Михаила. В речах, обращенных к молодому императору, как, впрочем, и в «Хронографии», о чем шла речь выше, Пселл подчеркивает христианские добродетели своего воспитанника: человеколюбие (*φιλανθρωπία*), кротость (*πραότης*), скромность (*σωφροσύνη*), справедливость (*δικαιοσύνη*) и т. п.³³ Все эти свойства, без сомнения, входят в традиционный набор императорских *ἀρεταί*, однако в других случаях у Пселла они — равноправные детали в мозаике из добродетелей, составляющих облик превозносимого василевса³⁴. В изображении Михаила они — главные и доминирующие качества. В речи, составленной от имени молодого Дуки по случаю начала поста и явно отражающей представления самого Пселла о принципах идеального правления, говорится об «отеческом благоволении» Михаила к подданным. Другие императоры, чтобы сохранить собственное достоинство, говорят свысока (*ἐξ ὑψηλοτέρου φρονήματος*), юный Михаил, напротив, готов считать своих — старших по возрасту слушателей — отцами. Он не собирается управлять единодержавно, а рассчитывает на помощь и совет приближенных, обещает им безграничные милости и т. д. (Scr. min., I, p. 351—355).

Наиболее концентрированным выражением взглядов Пселла на принципы царствования Михаила является та сохранившаяся без заглавия речь, которую мы с весьма большой долей вероятности отнесли к молодому Дуке³⁵.

В заслугу императору прежде всего ставится его отношение к наукам и ученым (*λόγοι καὶ λογίοι*). Прежде они находились в пренебрежении, и ворота дворца были широко открыты лишь для податей, ныне же сама мудрость, воплотившаяся в императоре, призывает к себе своих питомцев, и отовсюду стекаются хоромы мудрецов. Далее Дука восхваляется за «ангельскую» жизнь, остроту ума, милостивое отношение к подданным и, главное, кротость (*πραότης*). С особым сочувствием подчеркивается отвращение императора к войне: «Я уже не говорю о том безумии, которое называют „делами Арея“, ибо ты не скор на убийство и не находишь удовольствия в потоках крови».

Знаменательно в этом отношении и другое письмо (Scr. min., II, № 188), которое с одинаковыми основаниями могло бы быть адресовано как Константину, так и Михаилу Дуке. Император просил философа растолковать ему смысл изображения и надписи на «камне». Пселл объясняет изображение как сцену Одиссея у Кирки, расшифровывает надпись и со свойственной византийцам склонностью к аллегориям выводит неожиданную мораль: «Ты же будь более склонным к миру, чем к войне» (*σὺ δὲ μοι εἶης εἰρηνικώτερος μᾶλλον ἢ μαχημώτερος*) (p. 209). В последнем случае — прямое побуждение, «подталкивание» императора к мирной политике.

В отношениях Пселла с отцом и сыном Дуками как будто встречается та редкая в истории ситуация, когда извечная проблема «поэта и царя» находит положительное решение: писатель не только принят и признан при дворе, но его идеальные представления, по-видимому, получают воплощение в политике и самом облике ученых и «милостивых» императоров.

Однако на деле альянс писатель — василевсы был далек от той идиллии, которая царит в сочинениях Пселла. Атмосфера 60-х и особенно

³³ Характерно в этом отношении письмо: Scr. min., I, p. 42—44. В письме выражается радость по поводу того, что император, поверивший было клеветникам, вновь милостиво относится к Пселлу, и содержится также интересный намек на какой-то мятеж, который подняли против императора «отпрыски негодяев». Михаил одолевает врагов, заверяет автор, поскольку за него «закованные в железо и вооруженные катафракты» (p. 43—44). На что намекает писатель, неясно.

³⁴ Ср., например, изображение Константина Мономаха в посвященных ему энкамиах: Bibl. gr., V, p. 106 sq.; 117 sq. Scr. min., I, p. 6 sq., 12 sq.

³⁵ См. выше, прим. 27.

70-х годов — атмосфера кануна краха. «Варварское» кольцо все туже стягивается вокруг империи, уже не способной оказать сопротивление.

В этой ситуации пселловский идеал монарха имел мало шансов стать популярным. Скорее наоборот. Источники по истории того времени недоброжелательны к методам управления Константина и решительно осуждают Михаила. Суть обвинений сводится к слабости, бездеятельности императоров, их пристрастия к судебным разбирательствам и софистическим упражнениям, скупости и пренебрежению к военному делу³⁶. Атталиат, как и последующие историки XII в., прямо противореча Пселлу, противопоставляет Константину и Михаилу «сильных» василевсов — Исаака Комнина, Романа Диогена, позже Вотаниата, способных вывести из тупика государство³⁷. Говоря о Константине, Атталиат не столько нападает на самого царя, сколько на его дурных советников. Можно даже предположить, что в одном случае речь прямо идет о Пселле или близких к нему людях. Константина, пишет историк, хвалили за благочестие, благотворительность, незлобивость и т. п., но порицали за то, что он оказывал благодеяния «тому, кто и так имел их, и тем немногим, кто льнул к нему или находился у него в милости». И немного далее: в дурных делах винили не природу императора, а испорченность некоторых людей и суетливые увещания (*ὁποφόρος δὲ τινῶν καὶ παραίνεσος φιλοπράγμωνος*) (Attal., p. 76 sq.).

Если Атталиат не называет Пселла по имени, то другой историк того времени, Продолжатель Скилицы, делает это, не задумываясь: Михаил, пишет анонимный автор, занимался игрушками и детскими забавами, поскольку ипат философ Константин Пселл сделал его негодным и неспособным ни к какому делу» (Cedr., II, p. 706). В другом случае тот же автор пишет: «В то время, как на императорском троне нужен был человек распорядительный и мужественный, Михаил предавался пустым и бесполезным литературным забавам, непрерывно сочинял ямбы и анапесты, хотя ни капли не владел искусством, и погубил порядок, обманутый и завлеченный ипатом философов» (Cedr., II, p. 725).

В обоих отрывках речь идет об одном и том же — ученых занятиях Пселла со своим воспитанником. То, что составляло предмет наибольшей гордости писателя, резко осуждается его современником³⁸. Обе цитаты находятся в тех частях сочинения Продолжателя Скилицы, которые представляют собой близкий к тексту пересказ Атталиата и буквально «втиснуты» между фразами последнего. Они явно принадлежат самому анонимному историку, который и в других местах снабжает заимствованные

³⁶ Особенно категоричен, главным образом в отношении Михаила, Атталиат (Attal., p. 76—77, 182, 184, 187, 208, 211, 212). Продолжатель Скилицы, пересказывающий Атталиата, а вслед за ним и Зонара в большинстве случаев воспроизводят эти обвинения. К той же традиции примыкают Манасси (*C. Manassis breviarium historiae metricum*, гес. I. Bekkerus. Bonn, 1837, 6620 sq.) и Скутариот (Bibl. gr., VII, p. 169).

³⁷ В научной литературе обычно говорится о двух группировках, ожесточенно боровшихся в то время за власть, противоположные интересы которых выразили с одной стороны Пселл, с другой — Атталиат. Н. Скабалазович (Указ. соч., стр. 94) называет их «патриотами» и «антипатриотами». Г. Острогорский говорит о столичной чиновной знати и военной аристократии (*G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1952, S. 271), нередко отождествляемой с провинциальной знатью («История Византии», т. II, стр. 282). Это справедливо только в самом общем виде. На деле ситуация, видимо, была много сложнее. Достаточно сказать, что сами Дуки были выходцами из провинциальной знати, а Константин даже участвовал в восстании Исаака Комнина. Что касается «антипатриота» Пселла, то сам он себя несколько раз называет «ромейским патриотом» (*φιλορωμαίος*), считает необходимым, чтобы императоры, наряду с синклитиками и народом, заботились о воинском сословии (Chron., II, p. 83), и даже Константина упрекнул в пренебрежении к военному делу (Chron., II, p. 146).

³⁸ Согласно предположению Г. Г. Литаврина, отрицательное отношение к Пселлу и его роли при дворе Михаила VII высказал и другой автор того времени — Кекавмен («Советы и рассказы Кекавмена». М., 1972, стр. 71).

сообщения собственным комментарием³⁹. Видимо, неизвестный нам историк (если это только не сам Скилица) принадлежал к числу ярых врагов Пселла.

Эта антипселловская линия продолжается и в историографии XII в. Умный и трезвый Зонара, безжалостно сокращая в своем повествовании Продолжателя Скилицы, тем не менее считает нужным оставить оба выпада против Пселла (Zon., III, p. 708, 714). Более того, первая инвектива значительно расширяется им. Много подробнее Продолжателя Скилицы повествует Зонара о предметах занятий Пселла со своим учеником, упоминая литературу, риторику, грамматику, философию, историю (практически он перечисляет почти весь круг интересов императорского наставника), и прибавляет, что Михаил ко всему этому способностей не имел, а на остальное и вовсе не обращал внимания.

В глазах по крайней мере двух писателей той эпохи отношения Пселла с царственными Дуками, и главным образом Михаилом, приобретали трагически-фарсовый оттенок. В какой-то степени они и были такими: ученый «пир» Пселла с императорами явно приходился на время «чумы».

Особые отношения связывали Пселла с братом Константина X кесарем Иоанном. На протяжении двух десятилетий (от начала царствования Константина до воцарения Алексея Комнина) Иоанн играл самую активную роль в политических событиях и дворцовых интригах, его имя постоянно мелькает в источниках по истории того времени. Внимание, которое уделяли этому деятелю новые исследователи⁴⁰, избавляет нас от необходимости восстанавливать жизненный путь и карьеру Иоанна⁴¹.

Фигура кесаря неоднократно появляется на страницах «Хронографии»⁴², а в конце этого сочинения содержится его развернутая характеристика (Chron., II, p. 180—182). Как и всегда, имея дело с византийскими панегириками, следует обратить внимание на акценты и осторожно отделить энкомиастическое клише от деталей, отражающих действительные черты описываемого лица или индивидуальное отношение к нему автора. В полном соответствии с риторическим стандартом кесарь изображен как человек, украшенный разумом и величием духа; он искусен в делах, обладает прекрасным нравом и душевными добродетелями, острый ум сочетается в нем с кротостью и незлобностью. В военном искусстве он превзошел прославленных древних кесарей, серьезные занятия сочетал с развлечениями и во всем умел соблюдать меру. Последнее, впрочем, не относится к охоте, которой Иоанн увлекался без удержу. На досуге, помимо охоты, кесарь занимался чтением книг. «Во всем он превосходил всех», — заканчивает свою характеристику Пселл.

³⁹ См. E. Tsolakis. 'H συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Skylitzes continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 84—87.

⁴⁰ См. G. Koiliak. 'Ο καίσαρ Ἰωάννης Δούκας ἀντιγραφεὺς τοῦ Cod. Par. 2009. — ΕΕΒΣ, 14, 1938; B. Leib. Jean Doukas. — AB, 68, 1950; D. Polemis. The Doukai, p. 34—41.

⁴¹ Напомним только основные этапы жизни кесаря. Иоанн получил достоинство кесаря после воцарения брата. О его деятельности при Константине почти ничего неизвестно. Роман Диоген отнесся к Иоанну с подозрением и выслал его из Константинополя. Вызванный в столицу после поражения 1071 г. при Манцикерте, кесарь развивает бурную политическую деятельность, стремясь возвести на престол племянника Михаила. После его воцарения Иоанн, однако, был вытеснен новым фаворитом Никифором и вынужден вновь оставить Константинополь. В 1073 г. он вместе с сыном Андроником участвует в походе против Руселя, попадает в плен, и Русель провозглашает его императором. Выкупленный из плена Михаилом, Иоанн принимает постриг. В 1081 г. кесарь примыкает к восстанию Алексея Комнина. После этого его имя исчезает со страниц исторических источников. По своим политическим симпатиям кесарь был близок к Пселлу и неоднократно оказывался с ним в одном лагере (они оба стремились возвести на престол Михаила VII, оба находились в оппозиции к Роману Диогену и т. д.).

⁴² Chron., II, p. 150—151, 156—157, 160—161, 163—164.

Интересно, что Пселл ни словом не упоминает о благочестии Иоанна, почти непререваемом свойстве хвалимых лиц. *Argumentum ex silentio* имеет значение для писателя, пользующегося энкомиастическим клише и, как «из наборной кассы», примеривающего к своему герою стандартные свойства. Вместо этого подчеркивается другое и не совсем обычное: соединение серьезных занятий с развлечениями и любовь к чтению. В связи с последним интересно другое замечание писателя: кесарь изучил военную науку не «сам по себе», не «по случаю», а узнал ее из тактиконов Элиана и Аполлодора (видимо, теоретическое знание военного дела встречалось не так уж часто).

В целом Пселл рисует образ энергичного и умного политика и военного, человека образованного и, несомненно, светского по образу жизни и мысли. Таким, видимо, и был кесарь Иоанн Дука, судя по характеристикам других источников.

Самое число (более 20) сохранившихся писем Пселла к Иоанну — свидетельство интенсивности отношений между этими людьми. Датировке послания Пселла почти не поддаются, однако в ряде писем упоминается царственный брат кесаря (Константин)⁴³, что позволяет отнести их к периоду между 1059 и 1067 гг. Одно из писем, скорее всего, написано в правление Евдокии или Романа Диогена⁴⁴⁻⁴⁵. Михаила VII — племянника Иоанна — Пселл не упоминает вовсе, и можно предположить, что в период его правления эпистолярной связи между писателем и вельможей не было. Это вполне понятно, поскольку кесарь в то время находился под подозрением и даже выступал одно время в роли узурпатора. В письмах к Иоанну Дуке не только не содержится хронологических указаний, но и нет почти никаких фактических сведений. Тем не менее они — интереснейшая часть эпистографического наследия писателя.

За редким исключением письма к Иоанну писались без определенного повода и несли минимальную информационную нагрузку. Дука, согласно Пселлу, ненасытно жаждет все новых и новых посланий от писателя, который не без кокетства «изнемогает» от просьб корреспондента, но все же готов до бесконечности улаживать его слух (*De oper. daem.*, p. 180—181). В свою очередь похвалы кесаря вдохновляют и приводят в восторг тщеславного риторика (*De oper. daem.*, p. 175—176). Во всем этом немало от эпистолярного этикета, тем не менее даже этикетные формулы небезразличны к содержанию и могут, как правило, применяться только в соответствующих случаях.

Кесарь не просто испытывает самолюбивую гордость, будучи партнером в эпистолярно-риторической игре с знаменитым писателем, но и осознает литературную ценность посланий прославленного корреспондента. Во всяком случае — весьма немаловажный факт, — он коллекционирует и составляет книги из писем Пселла (*De oper. daem.*, p. 176; *Scr. min.*, II, p. 303)⁴⁶.

Каждый из корреспондентов придерживается весьма высокого мнения об учености своего партнера, хотя в этом отношении их положение неравноправно, поскольку Пселл играет роль мэтра, не устающего побуждать Иоанна к научным занятиям — Иоанна, который, увлеченный охотой, иногда забывает о книгах⁴⁷.

⁴³ *Bibl. gr.*, V, № 151, 152; *De oper. daem.*, p. 171 sq., 184, 188.

⁴⁴⁻⁴⁵ *Bibl. gr.*, V, № 156. Письмо написано в период отставки кесаря, жившего, видимо, в своем имении (p. 409). Утешая Иоанна, Пселл говорит главным образом об императрице, которая сочувственно выслушивает добрые слова о кесаре. Император тоже упоминается в этой связи, но на втором месте и без обычного — если речь идет о Константине — прибавления «твой брат» (p. 408).

⁴⁶ Свидетельство это интересно и в другом отношении. Оно показывает, как формировались в Византии эпистографические сборники. Наверное, Иоанну Дуке мы и обязаны тем, что до нас дошло такое количество писем к нему Пселла.

⁴⁷ *Bibl. gr.*, V, № 71, 156; *Scr. min.*, II, № 186.

Тем не менее письма к кесарю значительно отличаются от посланий к другим ученым друзьям Пселла (Мавроподу, Ксифилину и др.). Прежде всего, корреспондентов интересует не столько сама ученость, эллинская или христианская, сколько ее эстетическая сторона, ее риторическое оформление. «Твоя страсть к слову», — пишет он Иоанну, — признак твоей благородной души. Достояна одобрения всякая душа, любящая прекрасное (*φιλόκαλον ψυχήν*), я имею в виду не только красоту духовную (*σοφῶς κάλλος*), но и прелесть цветов, совершенного искусства, жемчуга, сапфира и гиацинта (*Scr. min., II, p. 276—277*). «Природа твоей души исполнена ума и харит», — замечает писатель в другом случае (*Scr. min., II, p. 282*)⁴⁸.

В посланиях Пселла Иоанна интересуют прежде всего их красота и стилистические достоинства⁴⁹, и письма во многих случаях превращаются в эстетическую самоцель и уже почти полностью теряют всякие информационные функции.

Бездушные риторические безделушки, однако, парадоксальным образом соседствуют с письмами совершенно иного, достаточно необычного для византийской эпистолографии типа. Как правило, личность византийского эпистолографа раскрывается с большим трудом, его чувства проявляются в стандартизированной и гиперболизированной формах невыносимого страдания, сверхчеловеческой, граничащей с эротическим нетерпением любви к адресату и т. д. В письмах же к Дуке неоднократно появляется интимная интонация. В одном случае Пселл описывает роды дочери. Кто-то сообщил ему, что роды тяжелые, и вот любящий отец ходит вокруг комнаты, где лежит роженица, прислушиваясь к ее крикам. Лишь появление ребенка приносит ему облегчение (*Bibl. gr., V, p. 307—308*). Рассказано все это тоже по достаточно интимному поводу: Пселлу сообщили, что Дука рыдал во время родов своей невестки. Иногда такого рода интонация прорывается и во вполне традиционных письмах. В благодарственном послании в связи с присылкой кесарем трюфелей Пселл замечает: «Я очень сокрушаюсь о дочери, лишь от твоих даров она воспряла к жизни» (*Scr. min., II, p. 282*). Или в другом случае Пселл, теперь уже сам посылая Дуке плоды, пишет: «Если не хочешь есть, отдай их двум младенцам (внукам кесаря) — они будут играть яблоками и грушами, а ты смотреть на них и смеяться» (*Scr. min., II, p. 306—307*). Иоанн представляется здесь своему корреспонденту не храбрым военачальником, не мудрым книгочеем и даже не страстным охотником, а умиленным дедом.

Этот доверительно-дружеский тон в ряде случаев оказывается в состоянии растопить риторический лед византийской эпистолографии. Стиль отношений между корреспондентами можно было бы условно назвать дружбой эпикурейско-горадиевского типа. И тот и другой уже не молоды и умудрены опытом, писатель рекомендует вельможе не принимать близко к сердцу жизненные треволения⁵⁰. В одном из уже цитированных нами писем Пселл слегка журит Дуку за то, что тот, оставив ученые занятия, целиком отдался охоте.

Впрочем, писатель понимает, что Иоанну невозможно отказаться от любимого удовольствия. Да и сам он, преданный книгам философ, если бы кто-нибудь оторвал его от «милрой ему академии», с удовольствием присоединился бы к кесарю. «Ты ведешь ныне милый тебе образ жизни, который издавна привлекал тебя. Помнится, ты нередко говорил, что

⁴⁸ Ср. *De oreg. daem.*, p. 184—185: Пселл хвалит Иоанна за «любовь к слову, страсть к знаниям, желание воспринимать мудрые речи и умение восхищаться красотой сочинений и прелестью писем».

⁴⁹ См., например, *De oreg. daem.*, p. 176 sq.

⁵⁰ «Если ветер тревожит твою душу, не удивляйся. Жизнь наша состоит из взлетов и падений» (*De oreg. daem.*, p. 173).

с радостью променял бы всю власть и высокое положение на жизнь без печали и забот. И вот у тебя есть то, к чему ты стремился. Живи же так до конца! Сколько нам еще осталось прожить? Мы с тобой сверстники, и у тебя и у меня проглядывает седина, хотя и не совсем еще белая. Но упадет нас коса смерти, а раз завтра предстоит умереть, мирно наслаждайся нынешним днем» (Bibl. gr., V, № 156) ⁵¹.

Этот «эпикурейско-горацевский» тон подчас далеко уводит Пселла как от эпистолографического стандарта, так и от этических и эстетических норм византийской жизни. «Теперь же давай и пошутим, — заканчивает Пселл одно из писем, — забудем о приличии и монашеской жизни. И я нечто подобное испытал в молодости, и меня пленяли косые глазки и отнюдь не белоснежная кожа. Их обладательницу я полюбил больше, чем иных „прекрасноликих“ и „розовошерстных“. Узнаешь страсть? Видишь свой лик в моем зеркале? Ведь ты, как и я, сотворен из праха».

В этом последнем полушутливом, полудирическом отступлении (возможно, Пселл вспоминает какое-то увлечение молодости) проглядывает то мироощущение, которое много позже будет свойственно поэтам европейского Ренессанса. Разрушаются представления о красоте как соответствии определенным канонам, и на первый план выдвигается индивидуальное чувство и индивидуальное представление о прекрасном ⁵². Характерно, что такой пассаж содержится в письме к Дуке!

Вообще человеческая слабость в представлении Пселла — автора посланий к Дуке, — как правило, не подлежащее непременно осуждению отступление от торжествующей нормы, а скорее милый недостаток, вызывающий снисходительную улыбку. Отсюда в этих письмах легкая ирония и самоирония, вообще свойственная тому стилю отношений, который мы условно назвали «эпикурейско-горацевской» дружбой.

В только что цитированном послании, где автор сообщал, что и он некогда пленялся «косыми глазками», Пселл писал, что стал теперь важным, хмурит брови и раздулся от спеси. Если же его кто-нибудь спросит, отчего он так ведет себя, то он ответит, что его похвалил сам кесарь (De orer. daem., p. 173). В другом случае Пселл благодарит Иоанна за подаренного коня. Конь этот лучше Пегаса и Бuceфала, но беда в том, что Пселл боится коней больше львов и слонов. Тем не менее именно этого коня он храбро оседлает (Scr. min., II, p. 281). Получив как-то от кесаря и его супруги сыр и отправив им за это благодарственное письмо, Пселл шутит: «Я имею сыр, а вы пустые слова» (De orer. daem., p. 180). Заканчивая обычное в византийской практике рекомендательное письмо, философ пишет: Если ты выполнишь мою просьбу, «то сделаешь сразу два добрых дела, избавишь этого человека от несчастий, а меня освободишь от него. Он явился ко мне незваным, и я не знаю, как от него отвязаться» (Bibl. gr., V, p. 400). Примеры эти можно продолжить.

Для духовной атмосферы отношений между Пселлом и Дукой чрезвычайно характерна образность писем философа. Образная система для средневекового писателя, как правило, — не только средство художественной выразительности и эмоционального воздействия. Византийский художник постоянно соотносит временное с вечным, настоящее с прошлым. Его образы и служат теми эталонами, с которыми соразмеряется изображение (потому они и заимствуются чаще всего из Библии). В письмах к Дуке абсолютное большинство образов имеют античное происхождение. Самую свою связь с Дукой Пселл сопоставляет с отношениями Аристотеля и Александра Македонского, Платона и Дионисия (Scr. min., II, p. 277).

⁵¹ В полном согласии с эпикурейской этикой пишет Пселл и о губительности больших жизненных удач, которые топят тех, кто их имеет (De orer. daem., p. 187—188).

⁵² Вспомним знаменитый 130-й сонет Шекспира: «Ее глаза на звезды не похожи. . .».

Вспомним в этом контексте, что образец для своих взаимоотношений с монахом и будущим патриархом Иоанном Ксифилином Пселл видит в братской дружбе Василия Великого и Григория Богослова (Bibl. gr., V, p. 277).

Примечательно, что античные ассоциации в большинстве своем не возникают у Пселла как апелляция к источнику мудрости и для подтверждения каких-то незыблемых нравственных правил, а появляются в контексте иронической риторики и дружеских излияний. Мне некуда деваться от твоих даров, пишет Пселл в одном из посланий. Афиняне спаслись от Дария в море, а что должен делать я? (De op. daem., p. 131). Некоторые письма Пселла вообще с начала до конца построены на античных образах⁵³. В посланиях Дуке неоднократно цитируются Гомер, Эзоп, Еврипид, упоминаются Дедал, Протей, Нарцисс, Гера, Иксион, Дарий, Фемистокл, Перикл, Аристотель, Платон.

Мир античных ассоциаций и образов, одинаково близкий Пселлу и Дуке, был своеобразным условным языком их взаимоотношений.

В письмах к кесарю меньше стандарта и, во всяком случае, обширней гамма чувств, чем в большинстве прочих посланий. В них — особый духовный и эмоциональный настрой. Эстетизм, умение ценить жизненные блага, ирония и самоирония — такие же неотъемлемые свойства «отливающей разными красками» натуры Пселла (К. Прехтер), как и его сервилизм или искренняя преданность наукам, проявившаяся в письмах к другим адресатам.

Византинисты, как, впрочем, и востоковеды, нередко стараются выразить явления изучаемой ими культуры в категориях европейского средневековья. На данном этапе развития науки эта тенденция имеет оправдание: малоизученное определяется через уже наполненные содержанием понятия относительно хорошо известной культуры. Отношения Пселла с Дуками («просвещенные» монархи — придворный философ и наставник, образованный бонвиван и авантюрист — его ученый, снисходительный друг) — прообраз аналогичных связей, неоднократно устанавливающихся в период европейского гуманизма. Такие отношения — характерный симптом для Византии того века, который некоторые исследователи склонны называть византийским предренессансом⁵⁴.

⁵³ См., например, De op. daem., p. 175 sq. Только одно письмо к Дуке строится на библейской образности (De op. daem., p. 170).

⁵⁴ После того как настоящая работа была сдана в печать, мы получили возможность познакомиться с весьма ценной статьей Г. Вейса, посвященной неизданным сочинениям Пселла (G. Weiß. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michael Psellos. — «Byzantina», 4, 1972). Так же как и мы (см. стр. 76, прим. 13), Г. Вейс относит письмо, адресованное протосинкелу и монаху, Льву Параспондилу. В приложении Вейс публикует неизданное произведение Пселла, написанное от имени императора Константина Дуки. В статье содержатся также сведения о неизданном письме Пселла Иоанну Дуке и о неизданном трактате писателя, посвященном кесарю (G. Weiß. Op. cit., S. 32—33). Учсть все эти данные мы, к сожалению, не имели возможности.